

НОВГОРОДСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКОГО РАСКОПА (1990 г.)

В.А.ЯНИН*

В 1991 г. в издательстве "Наука" началась подготовка к изданию очередного (девятого) тома систематической публикации найденных в Новгороде берестяных грамот, включившей материалы из раскопок 1984-1989 гг. (грамоты № 615-710). Накопление документов для следующего (десятого) тома началось в 1990 г., однако, должно пройти несколько лет, прежде чем объем коллекции станет достаточным для его формирования. Между тем, некоторые из вновь обнаруженных грамот имеют исключительное научное значение, и было бы неправильным откладывать их предварительную публикацию на долгий срок.

В сезоне 1990 г. берестяные грамоты в Новгороде были обнаружены на двух раскопах. Девять документов (грамоты №№ 711-714, 716, 717, 720-722) - на Троицком раскопе, работа на котором началась в 1973 г. и планируется к продолжению в течение еще нескольких лет. Пять грамот (№№ 715, 718, 719, 723, 724) происходят из раскопок в районе ул. Желябова (бывшей Прусской) в Загородском конце. Работами здесь руководил Б.Д.Ершевский. Они были закончены в 1991 г., однако, в завершающем сезоне грамот здесь не встретилось. Таким образом, пять обнаруженных документов составляют исчерпывающий комплекс находок, происходящих из одного участка. Этому комплексу и посвящена настоящая предварительная публикация.

Михаило-Архангельский раскоп (так он был назван по близости к древней церкви Михаила на Прусской ул.) обладает весьма сложной стратиграфией. Он находится во дворе школьного здания, построенного в послевоенные годы и снабженного сетью подземных коммуникаций, которые пересекают участок раскопок. При их прокладке были выкопаны траншеи, засыпанные затем рыхлым грунтом. Вызванное этим изменение гидрорежима, возникновение аэрации, привели к деструкции органических остатков, которые и до того были не в наилучшем виде из-за близости участка к склону древнего, погребенного в почве ручья. Поэтому датирование слоев не могло опереться на привычный дендрохронологический анализ остатков деревянных сооружений. Соответственно, и датирование берестяных грамот натолкнулось на существенные трудности. Однако, как увидим далее, само содержание некоторых берестяных документов оказалось полезным для оценки стратиграфической и хронологической ситуации Михаило-Архангельского раскопа.

Очередность их находки соответствует относительно-хронологическому порядку, поскольку дневные поверхности древних горизонтов не имеют уклонов. Грамота № 715 обнаружена в 9 пласту, № 718 - в 10 пласту, № 719 - в 9 пласту, № 723 - в 11 пласту, № 724 - в 12 пласту. Значение хронологического репера имеет, как это будет показано, грамота № 718. Поэтому с нее удобно начать обзор находок.

Грамота № 718 найдена в квадрате 40. Это практически целый документ, в котором фрагментирован небольшой участок правого края. Текст расположен в девяти строках; он делится на слова следующим образом: "На Городьцькемъ погро(д)... дани 30 грикынь кѣж(ь) љкая, църныхъ кѣнь 40, медъ 3 кѣркоське, яловнице 3, даръ 2 грикыне. Дѣцкымъ (ъ).....(гри)выне, полъти 2, г(....)ць масла, сани, 2 попоны, 2 меѡа, 2 клетница" (рис.1:1).

Как и в следующих текстах, буква "я" заменяет юс малый; в скобках помещены буквы, видимые частично; количество точек на фрагментированных участках текста соответствует количеству несохранившихся знаков.

Некоторые конъектуры здесь очевидны. "Погрод.." реконструируется как "погородье"; в форме "погородие" этот термин известен из уставной смоленской записи о размерах поступления доходов, где он означает доход с городов (Уставы 1976:146). "Бѣжь..кая" - "бежыцкая". "Т.....ць масла", - по-видимому, "горныць масла".

* Россия. Москва. 119899, Ленинские горы, Московский государственный университет, исторический факультет, кафедра археологии.

Как это несомненно, грамота № 718 является записью о величине сумм в деньгах и натуральном продукте (мед, яловицы, масло, сани, попоны, мешки, грубая ткань - клетиче), следующих главному получателю дани и детским. Коль скоро детскими (дечкими) назывались должностные лица княжеского двора, под главным получателем дани следует понимать князя, чему соответствует и упоминание черных кун, то есть побора в его казну.

Между тем, Русская Правда содержит положение, согласно которому сумма, следующая сборщикам государственных податей (в данном случае - детским), является производной от суммы, следующей князю: "а от 12 гривну - емцю 70 кун" (Краткая Правда); "а се наклады: 12 гривен - отроку 2 гривны и 20 кун" (Пространная Правда), что отражает один и тот же процент сборщику от исходной суммы: 70 кун (при равенстве гривны 25 кунам) тождественны 2 гривнам и 20 кунам (Янин 1982:144). В нашем тексте сумма, причитающаяся князю в деньгах, равна 70 гривнам (30 гривен дани и 40 гривен черных кун; дар, естественно, в общий подсчет не входит, равно как и натуральный доход). Расчет по указанной Русской Правдой пропорции устанавливает, что детским полагается 16,33 гривны (или округленно 16,5, что позволяет предположить конъектуру "дѣцьскимъ полъ 17 гривне", а текст в целом понимать следующим образом: "На Городецкем погродье. Дани: 30 бежецких гривен, 40 (гривен) черных кун, 3 берковска меда, 3 яловицы, 2 гривны дара. Детским: 16 с половиной гривен, 2 полти, горнец масла, сани, 2 попоны, 2 мешка, 2 клетича".

Упоминание Городецка и "бежецких гривен" определяет место действия документа, ассоциируясь со свидетельством приписки к уставной грамоте Святослава Ольговича о епископской десятине: "А се вежичьскимъ рядъ. В Бежичихъ 6 грив(ен) и 8 кун, Городецке полъ пяти грив(ны), в Змени 5 грив(ен), Езьске 4 грив(ны) и 8 кун, Рыбаньске грив(на) волжская, в Ыизьске полъ грив(ны) волжская" (Тихомиров, Щепкина 1952:21). Здесь упомянуты Городецк и "волжская" гривна, очевидно, идентифицируемая с "бежецкой" гривной берестяного текста.

Пункты, названные в этой приписке, локализованы А.Н.Насоновым в верховьях р. Мологи, которая в районе современного города Бежецка протекает через оз.Верестово. Городу Бежецку соответствует древний топоним Городецк или Городец Палиц. Бежецк еще в XVII в. оставался административным центром Городецкого стана в Бежецком Верхе (Готье 1937:372-373). Остальные пункты, кроме неустановленного Изьска, располагаются ниже Городецка в такой последовательности: погост Бежицы в 10 км ниже Городецка, при оз.Верестово; погост Узмень ("Змень") - в 18 км ниже Городецка; село Еськи на Мологе ("Езьск") - в 25 км от Городецка; село Рыбинское на Мологе ("Рыбаньск") - в 42 км от Городецка (Насонов 1951:21).

В момент составления приписки в грамоте Святослава Ольговича территория, указанная в цитированной приписке, составляла единый податной округ, который распался в начале 60-х гг. XIII в. Согласно "Бежицкому ряду", князь, как и в Обонежье, имел в Бежецке и Городецке право суда, но оно при Дмитрие Александровиче, то есть в конце 1263 г. или в 1264 г. было прервано на три года: "А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци вежичяном и обоничяном на 3 лета, судье не слати" (Грамоты 1949:11, № 2). Тогда же Городецк перешел в кормление к некоему Иванку, о чем специально был информирован в докончании преемник Дмитрия Александровича на новгородском столе князь Ярослав Ярославич: "а Городецъ, княже, даа Дмитрии с новгородци Иванку; а того ти, княже, не отъяти" (Грамоты 1949:9, № 1); "Городыцъ Палиць, а то есми дали Иванкови" (Грамоты 1949:11, № 2). Сколько времени Иванко был на этом кормлении, неизвестно, однако это и не столь существенно, поскольку Бежицкий Верх был тогда необратимо разделен на Бежецк и Городецк: во всех последующих докончаниях названные волости обозначены уже не как территориальное единство, а как особые территориальные и податные образования - "а се волости новгородьские: Бежиче, Городецъ Палиць, Мелечя, Шипино, Есна" и т.д. Для датировки грамоты № 718 важно выяснить, написана она до или после разделения волостей.

До разделения волостей с Бежецкого Верха, согласно "Бежицкому ряду", ежегодно собиралась сумма в 21 гривну и 16 кун (6 гривен и 8 кун с Бежиц + 4,5 гривны с Городецка + 5 гривен с Узмени + 4 гривны и 8 кун с Езьска + 1 гривна с Рыбаньска + 0,5 гривны с Изьска). После же разделения Городецк, очевидно, давал традиционные 4,5 гривны. Грамота № 718 оперирует суммой в 86,5 гривен (70 гривен князю и 16,5 гривен детским). Но эта сумма ровно в четыре раза превышает годовую сумму податей, следующих с Бежецкого Верха по "Бежицкому ряду". Следовательно, речь в грамоте идет о получении четырехлетней недоимки с единой территории Бежецкого Верха, а грамота, таким образом, не может быть датирована временем более поздним, нежели начало 60-х гг. XIII в.

Между тем, само наличие этой четырехлетней недоимки является еще одним датирующим элементом грамоты. В зиму с 1224 на 1225 гг. новгородцы вступили в жестокий конфликт со своим князем Всеволодом Юрьевичем (внуком Всеволода III) и его отцом Юрием, которые захватили Торжок. Разрыв с Всеволодом Юрьевичем привел к перемене на новгородском столе, владеть которым был приглашен черниговский князь Михаил Всеволодович, "и бысть льгъко по волости Новугороду". Добившись возвращения захваченных в Торжке товаров, Михаил, однако, заявил новгородцам: "не хочю у кас княжити, нду Църнигову; гость ко мне пускати, а яко земля ваша, тако земля моя. Новгородци же много чимаша и, молячєся, и не могоша его чумолити, и тако проводнша и с цастью" (Летопись 1950:64,268-269). В результате новгородцы были вынуждены послать за князем в Переяславль и взять на стол Ярослава Всеволодовича, четырехлетнее правление которого эпизодически вызывало в Новгороде недовольство, приведшее к тому, что в зиму с 1228 на 1229 гг. князь Ярослав получил ультиматум: "забожнице отложи, судьє по волости не слати; на всєи воли нашєи и на кьсєх грамотах Ярославих ты нашь князь; или ты себе, а мы себе" (Летопись 1950:67,273). Последовавший разрыв с Ярославом вернул на новгородский стол Михаила Всеволодовича, который в конце апреля 1229 г. пришел в Новгород "и целова крест на всєи воли новгородьстєи и на всєх грамотах Ярославих; и вда скокоду смьрдом на 5 лет данни не плати, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кьто сде живеть, како уставили передни князи, тако платите дань" (Летопись 1950:68,274). Очевидно, что имеется в виду льгота тем смердам, которые бежали из Новгородской земли от князя Ярослава, то есть четыре года тому назад, и решение о сборе четырехлетней недоимки за тот же срок с податных новгородских территорий. К 1229 г., таким образом, логично относить и нашу берестяную грамоту, фиксирующую сбор именно четырехлетней недоимки.

Если эта дата действительно соответствует времени рассмотренного документа, то она образует хронологический рубеж, по одну сторону которого расположены несколько более поздние грамоты №№ 715 и 719, а по другую - более ранние грамоты №№ 723 и 724.

Грамота № 715. Обнаружена в квадрате 27. Это целый документ, текст которого, расположенный в трех строках, делится на слова следующим образом: "Тридевято анеело, тридеки ароханело, избави раба (во)жея Михея трасавиче молитвами скитыя богородичя" (рис.1:2). Слово "тридевять" ("тридевято", "тридевя"), разумеется, не имеет цифрового значения, а обозначает сонм ангелов ("анеело") и архангелов ("ароханело"), которые призывают избавить раба божия Михея от лихорадки ("трасавиче") силой молитв святой Богородицы. Это на момент находки древнейший ставший известным заговор; знания о заговорах до сих пор базировались почти исключительно на этнографических записях. В Паисиевом сборнике конца XIV - начала XV вв. имеется следующий любопытный в этой связи текст: "Недуги лечат чарами и наузы, немощного веса, глаголемаго тряцю, мнаться прогоняюще некими ложными писмяны проклятых весок" (Срезневский 1912:стб.1030). Как и следующий документ, грамота датируется второй четвертью XIII в.

Грамота № 719 обнаружена в квадрате 14. Это два обрывка двухстрочного письма, относящиеся соответственно к правому и левому краям листа, утратившего, к сожалению, среднюю часть:

Покланиянне Ѡ Дома...
возяти. А сыно ти мь...

...дънику. Годь ти сьло
...(ьдє)лине восоли

Для комментирования текста слишком мало данных. Однако, обращает на себя внимание то обстоятельство, что грамота, несомненно, была адресована посаднику, фрагмент титулования которого сохранился в адресной формуле. Следует заметить, что во второй четверти XIII в. посадниками в Новгороде были только представители боярства Прусской улицы: в 1230-1243 гг. Степан Твердиславич (Летопись 1950:70,79,278,297), а с 1243 до 1255 гг. сначала Сбыслав Якунович, а затем Анания Фефилатович (Летопись 1950:81,164,308,472). Один из них и был получателем этой грамоты.

Грамота № 723 найдена в квадрате 104. Это целое письмо, текст которого написан в четырех строках на внешней стороне листа и разделяется на слова следующим образом: "+ Покланиянне Ѡ то Душил ко Нясть. Шьль ти есьмь Кучьву. Ажь ти хьтя жьдати, аан ти нь хьтя жьдати, а оу Фьдокь, обрүць еє водадя, свое вьзьму" (рис.1:3).

Душила сообщает Нясте, что он свое возьмет вне зависимости от того, хотят или не хотят ждать, вернув Федоке ее "обруць". Под "обручем" возможно понимать браслет или кольцо, но также и залог (в том числе обручальный, брачный). Обстоятельства действия Душилы невосстановимы, но грамота имеет исключительное значение в связи с сообщением ее автора о том, что он отправляется "Кучькъвъ", то есть "в Кучково", под которым может подразумеваться только населенный пункт. Между тем, такой пункт хорошо известен по рассказу Ипатьевской летописи о событиях 1176 г., когда заболевшего в пути князя Михалка Юрьевича несли на носилках, "идоша с нимъ до Кучкова, рекше до Москвы" (Полное собрание. 1908: стб. 600). Ипатьевская летопись, сохранившая древнейшее название Москвы, известна по списку первой половины XV в. К XVII в. относится запись легенды об основании Москвы, повествующая о боярине Кучке. Следовательно, грамота № 723 является пока единственным свидетельством XII в., подтверждающим, что тогда наименование "Кучков" еще не было вытеснено более поздним обозначением, производным от реки, а не от имени первоначального владельца местности.

Относить грамоту к последней четверти XII в. позволяет ее стратиграфическая близость к следующему документу - грамоте № 724.

Грамота № 724 найдена в квадрате 88. Это целое письмо, написанное на обеих сторонах сильно потертого берестяного листа. Текст начинается на внешней стороне коры, где он состоит из 13 строк, и продолжен на внутренней стороне, где в верхней части листа располагаются еще 4 строки. Грамота написана мелким почерком; текст местами еле различим, и прочтение документа потребовало длительных коллективных усилий, предпринятых более всего А.А.Зализняком (но также П.Г.Гайдуковым, А.А.Гиппиусом, Т.В.Рождественской, Е.А.Рыбиной и В.А.Яниным). Он разделяется на слова следующим образом:

"Ѡ Савы покляняе к братъи и дружини. Оставиши мя были людье. А остатъ дани исправити было имъ д(о) осени, а по первомъ пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарья, къ вѣре брочкъ: не данте Савѣ ни одного песца хотя на нихъ емати, самъ въ томъ. А въ томъ ми ся не исправитъ въ корзѣ, ни къ вамъ, ни тѣ ти вымъ. А въ томъ есмь осталъ. По томъ пришии смерди, Ѡ Андрейа мужь прияли; и дане Ѡяли людье. И осмь высягла что о Тѣдоре. Поразумѣите, братье, емъ, да че что въ то емъ състане тягота тамъ и съ дружиною етъ.

А селекномъ ско(и)мъ князь самъ от Волокѣ (и) отъ Мѣстѣ ѡчясток кодале. Аче ли ти, братье, вины людье на мя не ницѣтъ. А до вѣдока бѣде, то же нынеча радъ выхъ послале грамотъ".

Упоминание песцов служит указанием на местонахождение автора письма Савы. Песцы (иначе - полярные лисицы), будучи представителями фауны Арктики и Субарктики, обитают в полярных материковых тундрах. Сава находится где-то на севере новгородских владений для получения дани с тамошних жителей. Упоминание в заключительной части письма Волока заставляет вспомнить, что центральным пунктом поступления заволоцкой дани была Онега, о которой говорится в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г.: "Того дела уставил есмь святом Софьи, атъ емлетъ пискуп за десятину от вир и продажъ 100 гривен новыхъ куп, иже выдаваеъ домажиричъ из Онега. Аче не вѣдетъ полна ста у домажирича, а осмьдесятъ выдаеъ, а допалнокъ вѣзметъ 20 гривен у князя ис клети" (Уставы 1976:148). Логичным представляется видеть в Саве именно онежского домажирича: он не возглавляет подвижной отряд сборщиков дани, а пребывает в каком-то постоянном месте, куда "по первому пути" "люди" должны послать собранную "до осени" дань, а затем отбыть прочь. Между тем, "люди" оставили Саву.

Вряд ли фразу "Оставиши мя были людье" следует понимать как сообщение о бегстве от Савы его помощников. Глагол "оставити" имеет много значений, в том числе: отказаться, отречься, отступить, отложиться и т.п. Речь, надо полагать, идет об отказе местных "людей" выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать "до осени". Уместно напомнить "льстивые речи" югорских князьков в 1194 г.: "скираем срекро и соболе, и иная ѡзорочна, а вы н гувите нас, своих смердов и скои дани" (Летопись 1950:40-41,232-233). Поводом для отказа от уплаты дани послужило некое распоряжение Захарьи, который клятвенно сообщил ("в вере ѡрок"): "Не позволяйте Саве хотя бы одного песца брать, сам этим займусь". Между тем, о таком распоряжении не был извещен своевременно ни сам Сава, ни его адресаты ("братья и дружина" в Новгороде); на территории же, подведомственной Саве, Захария лично не был. "А в том есмь остал" - с тем я и остался, - пишет Сава.

упомянутого в письме Савы Захарию, который, как мы уже видели, обладает правом распоряжаться даями и данниками. Так звали новгородского посадника, избранного в 1161 г. и убитого в 1167 г. (Летопись 1950:31-32, 218-220), что позволяет датировать грамоту № 724 60-ми гг. XII в.

В этой связи небезытересным оказывается место находки грамоты № 724, посланной Савой своей братье и дружине. Адресаты письма находились на Прусской улице. Между тем, расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого новгородцами князя Святослава Ростиславича, вступившего в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Савы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывают их главные противники.

ГОТЬЕ, Ю.В. 1937. Замосковский край в XVII в. Москва:Соцэкгиз.

ГРАМОТЫ. 1949. Грамоты Великого Новгорода и Пскова (ред.С.Н.Валк). Москва-Ленинград:АН СССР.

ЛЕТОПИСЬ. 1950. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов (ред.А.Н.Насонов). Москва-Ленинград:АН СССР.

НАСОНОВ, А.Н. 1951. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. Москва:АН СССР.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ. 1908. Полное собрание русских летописей П. С.-Петербург.

1915. Полное собрание русских летописей IV (изд.2-е). Часть 1 (вып.1). Петроград.

СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам 3. С.-Петербург.

ТИХОМИРОВ, М.Н., М.В.ЩЕПКИНА. 1952. Два памятника новгородской письменности.

Москва:Госкультпросветиздат.

УСТАВЫ. 1976. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. (ред.Л.В.Черепнин). Москва:Наука.

ЯНИН, В.А. 1982. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. Москва:Наука.

NOVGORODIAN BIRCH-BARK DOCUMENTS FROM THE SITE OF ST.MICHAEL THE ARCHANGEL (1990).

Summary.

In 1990 five birch-bark documents dated from the 12th-13th centuries were found in uncertain stratigraphic conditions during excavations in Novgorod near the contemporary street known as "Prussian street" at the site of St.Michael the Archangel. The site was directed by B.D.Ershevsky. The analysis of the contents of some of these texts allowed us to date them more accurately.

Birch-bark document N 718 contains a record of the money and the payment collected levied as state tax from the territory of Gorodetsk: 30 "bezhetsk grivnas" and 40 grivnas of "chernye kuny" as well as 3 "berkovsks"(1 berkovsk = 10 pounds) of honey, 3 heifers and 2 grivnas of gift were all collected in favour of the state (i.e. the prince); a certain sum of grivnas (the place in the text where their number was indicated is fragmentary), 2 halves of a carcass, a pot of butter, a sledge, two horse-blankets, two sacks, and two lengths of coarse fabric in favour of the tax collectors.

As the collectors of tribute and tax received a certain percent of the whole sum in their favour (the rate is known from the Russian Pravda) it is possible to restore the fragmented text: "16.5 grivnas". However, according to the supplement to the Decree of Prince Sviatoslav Olegovich concerning the amount of church tithes, the annual tribute from Gorodetsk (Bezhetsk) made up 21 grivnas 16 kuns. The sum indicated in birch-bark document N 718 is four times this rate. This fact allows us to state that the birch-bark document contains information on the tax for 4 years. This took place only in 1229, hence the year of drawing up the document.

At the same stratigraphic level the birch-bark document N 715 was found which contains the text of a charm for fever: "Angels and archangels! Save Mikhey, a servant of God, from fever by the Virgin's prayers". Up to now such charms have been known only from ethnographic folklore records.

The same level contained badly fragmented birch-bark document N 719 addressed to a posadnik (governor) whose name has not remained. However, the social character of the addressee itself enables us to consider the whole complex as belonging to a boyar's family.

The other two birch-bark documents were excavated at an earlier level and are dated from the second half of the 12th century. The birch-bark document N 724 is one of the most significant from the point of view both of the length of the text and the contents of the documents on the birch-bark. It is covered with writing on both side (13 lines on the one side, 4 lines - on the other side). The document contains information on a conflict which took place during the collection of tribute in the North (polar foxes inhabiting the continental tundra are mentioned as the object of tribute). The author of the message, Sava, reports to Novgorod that the payers refused to give him the collected values referring to the order of Zakharija and gave these values to Andrei's servants. The characters of the birch-bark document are identified with posadnik Zakharij (he was killed in 1167 having been in alliance with Suzdal prince Andrei Bogoliubsky) and prince Andrei Bogoliubsky was killed in 1174. It is well known that Russian princes headed by Andrei Bogoliubsky organized a campaign against Novgorod after the conflict between Suzdal and Novgorod because of northern tributes. The birch-bark document is therefore evidence of one of the events resulting in this campaign which the Novgorodians won. They were headed by the boyars of Prussian street (it is they who are addressed to in this document) in the battle of 1170 which resulted in this victory.

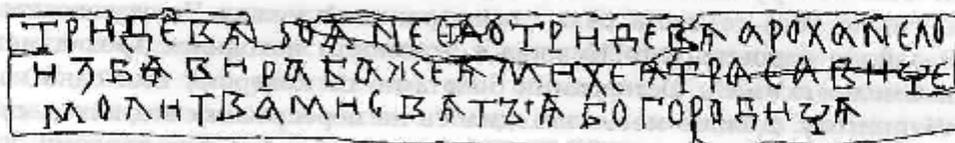
Birch-bark document N 723 was founded in a layer of the 1170's to 1190's. Its historical significance resides in the fact that Kuchkov is mentioned in the text. Such was the original name of Moskow which had previously only been known from the Ipatiev chronicle in the edition of the 15th century.

Савва в 4-х строках сообщает, что он не смог получить дань с северных земель, так как жители отказались платить. В пережитых случаях автор сообщает о конфликте между Саввой и жителями северных земель - затурскими и югорскими - жители, куда выдвигались специальные отряды сборщиков дани. Грамота № 724 повествует о конфликте в Саввинской земле, где на дани и Вату новгородские и ростово-суздальские воюющие расхолаживались торговцами.

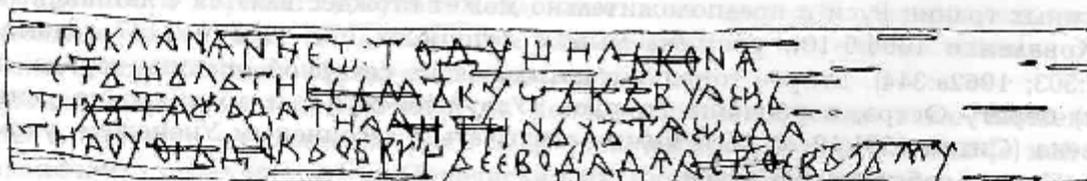
Рассматривая грамоту N 724 как свидетельство одного из эпизодов новгородско-суздальского конфликта в 30-е северных дани, мы для "мужин Андрея" можем возвести только сборщики дани в пользу суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского убитого в 1174 г. Если документ датирован временем ранее указанного года, то имеется возможность идентифицировать в

1

2

3

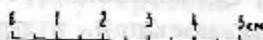

Рис.1 Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа. 1 - прорись грамоты № 718; 2 - прорись грамоты N 714; 3 - прорись грамоты № 723.

Fig.1 Novgorodian birch-bark documents from the site of St-Michael the Archangel. 1 - drawing of birch-bark document N 718; 2 - drawing of birch-bark document N 714; 3 - drawing of birch-bark document N 723.